

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ПАМЯТИ В СОВРЕМЕННОМ ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

И. В. Тивьяева

Тульский государственный университет

Поступила в редакцию 30 мая 2016 г.

Аннотация: в статье анализируется отечественный опыт лингвистического описания памяти и ее процессов. Автор выделяет три подхода к изучению механизма памяти в современном российском языкознании и рассматривает основные направления исследований в русле каждого подхода.

Ключевые слова: память, мнемические процессы, когнитивный подход, лингвокультурологический подход, дискурсивный подход.

Abstract: the review article focuses on Russian linguistic research into human memory and its processes. The author differentiates three approaches to studying memory used in contemporary Russian linguistics and highlights principal avenues of research within each approach.

Key words: memory, mnemonic processes, cognitive approach, linguocultural approach, discourse approach.

В связи с утверждением антропоцентрической парадигмы в лингвистических исследованиях последних лет изучение памяти как одного из проявлений языковой личности приобрело особую актуальность. По словам Т. И. Скоробогатовой, «сегодня понятие «память» продуктивно внедряется в научный аппарат лингвистической науки» [1, с. 20]. Вопросы взаимодействия памяти и языка входят в круг проблем, важных для исследователей, работающих в русле антропоцентризма. Зарубежные языковеды на протяжении нескольких десятилетий успешно занимаются изучением роли памяти в различных лингвистических процессах, включая процессы речепонимания и речепорождения, запоминания и воспроизведения языкового материала, трансформации воспоминаний при вербализации, нарративизации личного опыта и др. В отечественной лингвистике повышенный интерес исследователей к различным аспектам проблемы памяти и языка появился относительно недавно, на рубеже прошлого и нынешнего тысячелетий. Тем не менее представляется целесообразным подвести первые итоги проведенных рассмотреть подходы, принятые отечественными лингвистами, наметить направления для последующих изысканий.

Анализ научных публикаций последних лет, посвященных рассматриваемой проблематике, позволяет говорить о трех ключевых направлениях исследования памяти российскими языковедами: когнитивном, лингвокультурологическом и дискурсивном. В рамках когнитивного подхода к изучению памяти и языка перед исследователями стоит задача реконструировать фрагмент языковой картины мира, соот-

ветствующий рассматриваемому феномену, с учетом национально-культурной специфики его концептуализации. В фокусе внимания ученых, работающих в русле данного подхода, основные характеристики памяти как концепта, связи данного концепта с другими концептами и особенности его метафорического представления на материале различных языков. Новейшие исследования в рамках когнитивного подхода с применением новых методов и исследовательских процедур позволили существенно расширить представления лингвистов о концептуальной природе памяти. В частности, результаты экспериментов с информантами указывают на разнообразие языковых проявлений работы механизма памяти. В более ранних работах концепт «память» рассматривается в неразрывной связи с концептом обладания и трактуется многими лингвистами исключительно как «хранилище» [2; 3], однако Л. С. Муфазалова приводит данные ассоциативного эксперимента, на основании которых память следует рассматривать не только как информационный репозиторий, но и как нравственный регулятор человеческой жизни [4]. Изучая память как один из жанрообразующих концептов внутрисемейных родословных, А. А. Павлова дополняет разработанные ранее модели концепта «память» такими признаками, как «долженствование» и «личный опыт» [5].

В работе Д. Б. Агазамовой [6] психолингвистический эксперимент с носителями языка используется в качестве методики построения номинативного поля концепта «память». В результате моделирования словесная модель концепта «память» в английском языке имеет следующий вид: ядерную зону концепта составляет когнитивный признак *mental activity or*

power, ближнюю периферию – *linked with human physiology*, дальняя периферия представлена двумя признаками – *an object storing information* и *life experience*, крайняя также характеризуется двумя когнитивными признаками – *an object which helps to survive* и *divided into different types* [6, с. 197].

Одно из направлений лингвистических исследований в данной области связано с изучением способов концептуализации памяти в языковом сознании носителей различных языков. В рамках изучения репрезентации психических процессов лексическими средствами в германских и романских языках с учетом экстралингвистических данных и данных словарей авторский коллектив в составе О. Н. Прохоровой, И. В. Чекулая, Ж. Багана и И. А. Куприевой определяет концептуальное содержание ментальной структуры «Память», включая в нее следующие концептуальные области: «результативность», «произвольность», «непроизвольность», «перцепция», «ментальность», «связь с настоящим», «индивидуальность», «опыт», и описывает семантические особенности лексических репрезентантов данной ментальной структуры [7].

О. В. Шаталова причисляет память к культурно маркированным концептам и в качестве основных способов концептуализации памяти называет метафоризацию, символизацию и ассоциативную насыщенность вербализующих его лексических единиц [8]. В исследовании Е. И. Баранчеевой [9] на материале контекстов, отобранных из Национального корпуса русского языка, рассматриваются типы метафорических представлений памяти. Автор выделяет следующие модели метафоризации памяти в русском языке:

- 1) память как сосуд с жидкостью или водное пространство, имеющее значительную глубину;
- 2) память как тесное, узкое пространство или пространство, сопоставимое с разными топосами;
- 3) память как «внутренний экран», поверхность, на которой записываются образы;
- 4) память как пленка, которую можно прокрутить («кинематографическая» метафора);
- 5) память человека как память машины («компьютерная» метафора).

Отмечая множественность моделей метафоризации памяти в языке, исследовательница указывает на отсутствие четких границ между ними в силу их постоянного взаимодействия и расширения за счет индивидуально-авторских, окказиональных метафор [9].

На ассоциативные связи памяти с водой и пространством указывает и Г. А. Хайрутдинова. В исследовании, также выполненном на материале Национального корпуса русского языка, ставится вопрос об образно-ассоциативном потенциале лексемы *память*,

обусловленном сущностными свойствами ментального конструкта, обозначаемого соответствующей лексической единицей. Анализируя функционирование слова *память*, рассматриваемое как «один из элементов лексического ряда, связанного с понятием “ментальное”» [10, с. 248], автор приходит к выводу о существовании следующих типов отношений между элементами образной парадигмы: «ментальное» → «существо», «ментальное» → «пространство», «ментальное» → «вода», «ментальное» → «вещество», «ментальное» → «свет», «ментальное» → «растение», «ментальное» → «информация», «ментальное» → «предмет». Данный состав парадигм, в которых лексема *память* реализует свои образные потенции, объясняется Г. А. Хайрутдиновой «склонностью человеческого сознания к антропоморфизации воспринимаемых объектов внешнего и внутреннего (духовного) мира» наряду с сущностными свойствами соответствующего ментального конструкта [10, с. 252].

Один из важных аспектов проблемы взаимодействия памяти и языка связан с идентификацией и систематизацией языковых средств репрезентации памяти и ее процессов. В русле когнитивного подхода ведутся исследования структурно-семантических и функциональных характеристик лексических единиц соответствующей семантики. В фокусе исследовательского внимания, в первую очередь, – глаголы памяти как единицы, непосредственно номинирующие мнемические процессы [3; 11], и их функциональные эквиваленты, способные приобретать соответствующее значение в определенных контекстуальных условиях [12; 13].

Помимо глаголов памяти исследуется также потенциал других частей речи относительно их участия в процессе вербализации памяти и ее операций. В частности, результаты многоаспектного анализа прилагательных со значением памяти представлены в работе Л. Н. Голайденко [14]. Фразеологические единицы, обозначающие психические процессы памяти, получили подробное описание в диссертационном исследовании Н. В. Скоромысловой [15], а также в работах И. А. Куприевой [16] Т. И. Скоробогатовой [1] и Е. Л. Кузьменко [17]. Применение когнитивно-ориентированных методов исследования позволило дать комплексное описание лексическим, фразеологическим и паремиологическим единицам соответствующей семантики и выявить специфику их функционирования в различных языковых группах.

Таким образом, использование когнитивного подхода к проблеме взаимодействия памяти и языка можно считать достаточно эффективным в отношении определения структуры и природы соответствующего ментального образа и его проявлений в различных языках.

Лингвокультурологический подход к исследованию памяти и ее процессов связан прежде всего с языковым воплощением этно- и социокультурной специфики национальных представлений об этом феномене. В рамках данного подхода память интерпретируется не как индивидуальное свойство личности, когнитивная функция или элемент психической системы, а как явление более высокого порядка, надиндивидуальное образование, свойственное национальному коллективу, объединенному общей культурой и историей.

Исследование языковых явлений с позиций лингвокультурологического подхода предполагает главным образом обращение к национальному фразеологическому фонду, так как в конечном счете лингвокультурологический аспект исследования, по словам В. Н. Телия, сводится к «выявлению и описанию синергетической по своей сути корреляции между «языком» культуры и семантикой фразеологизмов» [18, с. 19]. Соответственно, в фокусе внимания лингвистов, занимающихся исследованием различных аспектов вербальной репрезентации процессов памяти в рамках лингвокультурологического подхода в первую очередь оказываются фразеологизмы и их способность воплощать в речемыслительной деятельности фрагменты смыслов культурных концептов.

Так, И. В. Зыкова, принимая за основу тезис Ю. М. Лотмана о языковых знаках как носителях больших объемов культурной памяти [19], предпринимает попытку выяснить механизм сохранения культурных смыслов как элементов культурной памяти во фразеологических знаках. По И. В. Зыковой, в содержательной структуре фразеологического знака выделяются два уровня: семантический, образованный совокупностью сем, и мотивирующий его концептуальный уровень, описываемый как «структурированное множество различных концептуальных составляющих, на основе которых образуется целостный фразеологический образ» [20, с. 44]. Исследовательница особо отмечает тот факт, что фразеологический образ является не только хранителем культурных смыслов, но и в силу своей природной специфики способен к их накоплению путем постепенного «приращения». По ее мнению, движущими факторами приращения культурных смыслов являются различные «формы переживания и осмысления мира». В итоге И. В. Зыкова приходит к заключению, что культурную память фразеологической единицы составляют культурные смыслы пяти взаимосвязанных форм осмысления мира: архетипические, мифологические, религиозные, философские и научные. Объем культурной памяти увеличивается в результате процесса «приращения» культурных смыслов, который начинается с наиболее элементарных составляющих фразеологического образа, постепенно усложняясь

за счет культурных смыслов последующих форм осмысления [20].

Лингвокультурологический подход к исследованию языкового воплощения мнемических процессов также реализован в диссертационном исследовании М. Г. Сабадашовой. Рассматривая память как компонент семантического единства – многоструктурного образования, объединяющего концепт и «антиконцепт», автор приходит к заключению, что биологическая (психофизиологическая) память семантически противостоит забыванию, тогда как культурная память семантически противостоит забвению [21]. Используя в качестве фактического материала данные корпусной лингвистики, исследовательница делает вывод о том, что способы языковой объективации лингвоконцептов «память/темогу» и «забвение/oblivion» определяются их этнокультурной спецификой.

Этнокультурная специфика также выступает как фактор формирования фонда фразеологических единиц, репрезентирующих историческую память народа. К такому выводу приходит Т. И. Скоробогатова в своем диссертационном исследовании, посвященном изучению связей национальной фразеологии с историей народа и государства в контексте исторической памяти [1]. Исходя из двуплановости фразеологической единицы, т.е. видя во фразеологизме не только языковую данность, но и единицу исторической памяти, Т. И. Скоробогатова выделяет новые пласты фразеологических единиц, соответствующие структурной организации коллективной памяти, и квалифицирует национально-культурную специфику фразеологического фонда как «результат вариативности и качественного своеобразия маркеров прошлого, нашедших отражение во фразеологии того или иного национального языка, обусловленных селективностью исторической памяти» [1, с. 14].

Поискам национального компонента в английских и русских устойчивых сочетаниях, номинирующих мнемические процессы, посвящено изыскание И. А. Шумаковой, О. Н. Сергеевой, Е. Н. Морозовой и Е. В. Лукьяновой [22]. Принимая гештальт в качестве ментальной структуры вербализации процессов памяти, лингвисты проводят компаративный анализ русских и английских фразеологизмов абстрактной семантики и приходят к выводу об идентичности качественного и количественного состава вербализаторов гештальта «память – психический процесс» в обеих лингвокультурах при видимом смещении денотативного компонента значения гештальтов «память – почет», «память – предмет» и др. в пользу коннотативного компонента.

Таким образом, исследование памяти с позиций лингвокультурологического подхода расширяет наши представления о специфике взаимодействия памяти

и языка и остается на пике актуальности. В фокусе внимания специалистов память как явление надиндивидуального уровня, ее место в системе национальных идей и традиций, роль в формировании образа жизни, видения мира и национального менталитета. При этом в качестве единиц анализа, позволяющих выявить национальную и этнографическую специфику памяти и смежных концептов, выступают преимущественно фразеологизмы как основные носители национально-культурной информации.

В русле дискурсивного подхода к исследованию памяти данный феномен рассматривается лингвистами как когнитивно-ментальная деятельность человека, направленная на обработку и интерпретацию индивидуального опыта, результат которой представлен в вербальной форме. Дискурс, порожденный вследствие такого рода деятельности, представляет собой форму языковой репрезентации личного опыта и событий прошлого. Л. М. Бондарева называет такой дискурс ретроспективным и определяет его как «специфический ментально-когнитивный процесс реконструкции любого рода прошлого, вербализующийся в определенной совокупности соответствующих текстов» [23, с. 136–137]. Ретроспективный дискурс при этом видится как пространство, в котором циркулируют тексты, характеризующиеся жанровой гетерогенностью, но при этом не утратившие своих типологических характеристик. К таким текстам, по Л. М. Бондаревой, относятся тексты мемуарные и историографические. Если первые возникают в результате действия механизма автобиографической памяти субъекта, то вторые представляют собой продукт функционирования иного типа памяти – памяти коллективной, связанной с реконструкцией событий прошлого, общего для национально-исторических и культурных общностей. В соответствии с разрабатываемой Л. М. Бондаревой концепцией, ретроспективный дискурс рассматривается как «основное средство вербализации, фиксации и автономизации коллективной памяти и, как следствие, ее трансформации в культурную память» [23, с. 141]. Основное предназначение ретроспективного дискурса заключается в оформлении и представлении посредством языка фрагментов прошлого единичного или множественного субъектов, а также связанных с ними мыслей, чувств и переживаний.

Схожую точку зрения относительно дискурсивного потенциала памяти и мемуарной литературы как одного из средств хранения культурной памяти высказывает также и Л. М. Ньюбина, отмечая особую роль мемуарных текстов «не только при моделировании коллективных ценностей, идеалов и норм, но и в регулировании восприятия прошлого современниками и потомками» [24, с. 86]. Для обозначения совокупности жанровых модификаций литературы

воспоминаний исследовательница предлагает термин «мнемонический дискурс», используя в качестве аргумента отсылку к природе мемуаристики, онтологической основой которой является память [25, с. 12]. Память, по мнению Л. М. Ньюбиной, предстает в мнемоническом дискурсе как «метафора сопротивления власти времени» [25, с. 14]. Эту мысль лингвист подкрепляет словами В. В. Нурковой: «Только человек способен одновременно жить во времени и вне времени, преодолевая его, осуществляя непрерывные «путешествия по времени» и самоопределяясь в нем» [26, с. 69]. В своем исследовании мнемонического дискурса Л. М. Ньюбина делает акцент в первую очередь на его автобиографичность, отмечая особый статус повествующего Я и его связи с категорией времени как один из факторов, определяющих специфику мемуарной литературы. На первый план выходит человек вспоминающий, который «в мнемоническом дискурсе представляет свой субъективный мир, запечатлевший всю сумму фактов, событий и впечатлений, воспринятых в течение жизни» [25, с. 26].

Изыскания Л. М. Ньюбиной отражают общую тенденцию лингвистических исследований к смещению акцента в сторону ее автобиографической составляющей памяти. Для лингвистов, занимающихся вопросами языковой актуализации памяти, эта категория связана с индивидуальным опытом личности и особенностями его организации, структурирования и реконструкции посредством языка. При таком подходе память рассматривается как дискурсопорождающий фактор, и в фокусе исследователей оказываются способы и формы репрезентации личного опыта субъекта в различных видах дискурса, преимущественно в дискурсе автобиографическом. Так, исследование Л. Н. Ребриной посвящено специфике дискурсивной реализации автобиографической памяти. На обширном немецкоязычном материале автор рассматривает уровневую структуру автобиографической памяти, формы организации автобиографической информации в тексте, нарративные параметры дискурсивных практик [27]. Описывая дискурсивные особенности реализации личного опыта субъекта, исследовательница анализирует четыре функции автобиографической памяти, манифестирующиеся в дискурсивных практиках (саморегуляционную, прагматическую, экзистенциальную и коммуникативную) и приходит к следующему выводу: «Подсистема автобиографической памяти имеет интерактивный и интересубъективный характер, дискурсивная манифестация ее функционирования отражает ценностную нагруженность ее объектов и сопряженность АП с эмоциональными переживаниями» [27, с. 151].

Тем не менее, несмотря на немалое количество исследований, проведенных лингвистами с позиций

теории дискурса, следует признать, что в отечественной науке о языке отсутствуют работы монографического характера, посвященные системному описанию особенностей вербализации памяти в различных типах дискурса. Решить эту задачу еще только предстоит лингвистам, работающим в рамках данного направления.

Резюмируя сказанное, отметим, что подавляющее большинство отечественных лингвистов, впрочем, как и специалистов в области других социально-гуманитарных дисциплин, видят в памяти в первую очередь репозиторий прошлого опыта, упуская из виду двустороннюю направленность памяти, т.е. ее ориентацию не только на прошлое, но и на будущее. Например, М. Д. Чертыкова, автор исследования, посвященного лексико-семантическому анализу хакасских глагольных средств выражения мнемических процессов, дает следующее определение памяти: «Человеческую память мы понимаем как некое абстрактное пространство, где хранится избирательная информация о прошлом жизненном опыте, воспроизводимая в виде таких операций, как запоминание, хранение, воспроизведение и забывание» [28, с. 112]. М. Д. Чертыкова опирается на результаты, полученные Л. Н. Ребриной, которая объединяет немецкие глаголы памяти в одну лексико-семантическую группу, выделяя общую для них категориальную сему «осуществление операций с фрагментами прошлого опыта в актуальном поле сознания» [29, с. 116]. Очевидно, что в работах и М. Д. Чертыковой, Л. Н. Ребриной и многих других лингвистов, интересующихся проблематикой памяти, человеческая память отождествляется с памятью ретроспективной, т.е. ориентированной на хранение и воспроизведения прошлого опыта, таким образом, часть мнемических функций до настоящего момента оставалась без внимания со стороны языковедов и не получила сколь-нибудь подробного лингвистического описания.

Следует отметить, что такой «однобокий» подход к интерпретации памяти и мнемических эффектов характерен не только для лингвистики. В социо-гуманитарных науках в целом доминирует понимание памяти как истории в нарративной форме. Похожая ситуация наблюдается и в психологии, где, по наблюдению В. В. Нурковой, существующие подходы к исследованию памяти ориентированы преимущественно на «репродуктивный или продуктивный аспект ее функционирования» [30, с. 95]. Думается, дальнейшие попытки исследования памяти и ее процессов в языкознании должны быть нацелены на ликвидацию данного пробела с целью получения достоверного описания лингвистических аспектов вербализации индивидуальной памяти во всей ее полноте в соответствии с современными представлениями когнитивной и нейронауки о ее подсистемах.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Скоробогатова Т. И.* Фразеология и историческая память : интериоризация нового знания в лингвистике (на материале французского языка) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Т. И. Скоробогатова. – Майкоп, 2013. – 52 с.
2. *Кубрякова Е. С.* Об одном фрагменте концептуального анализа слова *память* / Е. С. Кубрякова // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М., 1991. – С. 85–91.
3. *Туровский В. В.* Память в наивной картине мира : *забыть, вспомнить, помнить* / В. В. Туровский // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М., 1991. – С. 91–94.
4. *Муфазалова Л. С.* Концепт *ПАМЯТЬ* в русской языковой картине мира / Л. С. Муфазалова // Вестник Иркут. гос. техн. ун-та. – 2014. – № 9 (92). – С. 324–328.
5. *Павлова А. А.* Концептосфера внутрисемейных родословных : дис. ... канд. филол. наук / А. А. Павлова. – Белгород, 2004. – 211 с.
6. *Агзамова Д. Б.* Построение номинативного поля концепта «память» в английском и узбекском языках путем проведения ассоциативного эксперимента / Д. Б. Агзамова // Вестник Челяб. гос. пед. ун-та. – 2011. – № 2. – С. 191–198.
7. *Прохорова О. Н.* Ментальные структуры и их репрезентация лексическими средствами в германских и романских языках / О. Н. Прохорова [и др.]. – М. : Флинта, 2013. – 332 с.
8. *Шаталова О. В.* Репрезентация концепта «память» в текстах русских элегий первой трети XIX века (лингвокультурологический аспект) : дис. ... канд. филол. наук / О. В. Шаталова. – Уфа, 2005. – 250 с.
9. *Баранчеева Е. И.* Особенности вербализации процессов памяти : лексикографические рамки и дискурсивная репрезентация / Е. И. Баранчеева // Вестник Новосиб. гос. пед. ун-та. – 2014. – № 4 (20). – С. 114–123.
10. *Хайрутдинова Г. А.* Об образно-ассоциативных связях лексемы *память* : в контексте концепции инвариантности образа / Г. А. Хайрутдинова // Ученые записки Казан. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. – 2015. – Т. 157, кн. 5. – С. 246–253.
11. *Омельченко С. Р.* Глагольная репрезентация языковой ментальности / С. Р. Омельченко // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. – 2005. – № 1. – С. 192–203.
12. *Рогачёва Ю. Н.* Репрезентация фрейма «память» в современном английском языке (на материале глагольной лексики) : дис. ... канд. филол. наук / Ю. Н. Рогачёва. – Белгород, 2003. – 182 с.
13. *Исхакова Р. Ф.* Когнитивно-семантический анализ мнемических глаголов (на материале современного английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Р. Ф. Исхакова. – СПб., 2009. – 18 с.

14. *Голайденко Л. Н.* Прилагательные со значением памяти : воспоминания и их функционирование в художественной прозе / Л. Н. Голайденко // Вестник Челябин. гос. пед. ун-та. – 2012. – № 8. – С. 205–215.

15. *Скоромыслова Н. В.* Фразеосемантическое поле психических процессов памяти : дис. ... канд. филол. наук / Н. В. Скоромыслова. – М., 2003. – 176 с.

16. *Куприева И. А.* Концептуальные основания формирования значения лексики, номинирующей психические процессы в современном английском дискурсе / И. А. Куприева // Вестник Томск. гос. пед. ун-та. – 2013. – № 10 (138). – С. 24–31.

17. *Кузьменко Е. Л.* Вербальная презентация концепта «память/темогу» при помощи фразеологических единиц / Е. Л. Кузьменко // Перевод и когнитология в XXI веке : VI Междунар. науч. теор. конф. (г. Москва, 25–26 апреля 2013 г.) / отв. ред. Л. Л. Нелюбин. – М. : Моск. гос. обл. ун-т, 2013. – С. 111–116.

18. *Телия В. Н.* Культурно-языковая компетенция : ее высокая вероятность и глубокая сокровенность в единицах фразеологического состава языка / В. Н. Телия // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках / отв. ред. В. Н. Телия. – М. : Языки славян. культуры, 2004. – С. 19–30.

19. *Лотман Ю. М.* Семiosфера / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство-СПб, 2001. – 704 с.

20. *Зыкова И. В.* Фразеологический знак : к вопросу об объеме его культурной памяти / И. В. Зыкова // Мир русского слова. – 2013. – № 1. – С. 43–49.

21. *Сабадашова М. Г.* Лексико-фразеологические способы выражения семантического единства «память/забвение» в русском и английском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. Г. Сабадашова. – Волгоград, 2012. – 16 с.

22. *Шумакова И. А.* Сравнительная характеристика фразеологизмов, вербализирующих ментальные струк-

туры в славянском и германском языках / И. А. Шумакова [и др.] // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 5.

23. *Бондарева Л. М.* Ретроспективный дискурс как транслятор культурной памяти / Л. М. Бондарева // Эволюция и трансформация дискурсов : языковые, филологические и социокультурные аспекты : сб. материалов науч. конф. с междунар. участием (Самара, 14–15 марта 2014 г.) / отв. ред. С. И. Дубинин, В. И. Шевченко. – Самара, 2014. – С. 136–142.

24. *Нюбина Л. М.* Мемуарный текст как «культурогенный» феномен / Л. М. Нюбина // Известия Смолен. гос. ун-та. – 2013. – № 2 (22). – С. 85–97.

25. *Нюбина Л. М.* Память, воспоминания и текст / Л. М. Нюбина // Известия Смолен. гос. ун-та. – 2008. – № 4. – С. 12–28.

26. *Нуркова В. В.* Свершенное продолжается : Психология автобиографической памяти личности / В. В. Нуркова. – М. : Изд-во УРАО, 2000. – 320 с.

27. *Ребрина Л. Н.* Автобиографическая память как дискурсивный феномен (на материале немецкого языка) / Л. Н. Ребрина // Вестник Ленинград. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. – 2014. – № 4. – С. 141–152.

28. *Чертыкова М. Д.* Глагольные средства выражения операций памяти в хакасском языке / М. Д. Чертыкова // Вестник Череповец. гос. ун-та. – 2014. – № 4 (57). – С. 112–116.

29. *Ребрина Л. Н.* Лексические средства репрезентации операций памяти в немецком языке : принципы лингвистического анализа / Л. Н. Ребрина // Вестник ВолГУ. Сер. 2, Языкознание. – 2008. – № 2. – С. 112–118.

30. *Нуркова В. В.* Память / В. В. Нуркова // Общая психология : в 7 т. / под ред. Б. С. Братуся. – М., 2006. – Т. 3. – 320 с.

Тувльский государственный университет

Тивьяева И. В., доцент кафедры лингвистики и перевода

E-mail: tivyaeva@yandex.ru

Тел.: (4872) 25-47-38

Tula State University

Tivyaeva I. V., Associate Professor of the Linguistics and Translation Studies Department

E-mail: tivyaeva@yandex.ru

Тел.: (4872) 25-47-38